

ОЛЕГ Г. УСЕНКО

**МЕНТАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ
ДРЕВНЕРУССКОГО МОНАРХИЗМА
(СЕРЕДИНА XIII – СЕРЕДИНА XV вв.)**

**Оппозиции
верность/ измена и вассал/ подданный**

Объект изучения – представления православного населения Древней Руси о типичных формах общезначимых отношений между людьми – отношений, которые теперь описываются с помощью бинарных связей верность/измена, преданность/отступничество (предательство), вассалитет/подданство, служба/услужение и т. п.

Эти представления, во-первых, были частью древнерусского менталитета, т. е. относились к фундаментальным и по преимуществу неосознаваемым идейно-эмоциональным феноменам, хранившимся в массовом сознании¹. Во-вторых, они входили в число исходных посылок, составлявших основу древнерусского монархизма, под которым разумеется вся совокупность эксплицитных (ясно осознаваемых и выражаемых) взглядов на монарха и его власть, присущих православным жителям Древней Руси.

Актуальность исследования обусловлена не только тем, что «история ментальностей» является одним из наиболее перспективных направлений исторической науки, но и тем, что оно даёт новый материал для сравнения

1. О. Г. Усенко, «К определению понятия "менталитет"», *Российская ментальность: методы и проблемы изучения*. М., 1999, с. 23–77.

Руси и средневекового Запада, где принцип верности (семье, роду, корпорации, сеньору, королю, богу) и разделение людей на вассалов и подданных лежали в основе всей жизни общества².

Подавляющее большинство публикаций, в которых рассматриваются ментальные основы древнерусского монархизма, посвящены домонгольской Руси (X – середина XIII вв.) и времени Московского царства (вторая половина XV–XVII вв.). Поэтому представляется разумным взять для изучения период с 1243 г. (установления монгольского «ига») до 1448 г. (обретения автокефалии русской церковью).

Продолжая разговор об историографии, нужно заметить, что исследователи предпочитают говорить о таких концептах, как вера (религия) и разум, правда и закон, монархическая власть и совет (совещание), государство и Отечество, собственность и труд, честь и родство, «свой» и «чужие», добро и зло, свобода и зависимость, судьба и воля, жизнь и смерть, страх и бесстрашие и др.³, а вот массовым представлениям о формах

2. Ж. Ле Гофф, *Цивилизация средневекового Запада*. М., 1992, с. 52, 89–93, 262–263, 269–273, 285–291, 330; Н. Ф. Колесницкий, *Феодальное государство (VI–XV вв.)*. М., 1967, с. 38–42, 45–52, 58–61, 66–67, 70–76, 82–89, 92–104, 111–131, 134–146, 154–179, 182–190, 194–206, 210–236, 242–265; А. Я. Гуревич, *Категории средневековой культуры*. М., 1984, с. 176, 180–182, 188, 191, 199–200, 202–203, 205, 208–209, 220, 262, 265, 307; Р. Пайпс, *Россия при старом режиме*. М., 1993, с. 69, 72–73; F. Guizot, *Histoire de la civilisation en France*, vol. 3, P., 1830, p. 230–231, 250–251; N. Fustel de Coulange, *Les origines du systume féodal*, P., 1890, p. XIII; A. Luchaire, *Histoire des institutions monarchiques de la France sous les premiers Capétiens*, vol. 2, P., 1891, p. 42–44; J. Flach, *Les origines de l'ancienne France*, vol. 2, P., 1886, p. 478–481, 530–531; G. Waitz, *Deutsche Verfassungsgeschichte*, Bd. 6, Kiel, 1878, S. 98–101.

3. А. П. Богданов, «Российское православное самодержавное царство», *Царь и царство в русском общественном сознании*. М., 1999, p. 94–111; А. А. Горский, «Представления о защите отечества в средневековой Руси (XI–XV вв.)», *Мировосприятие и самосознание русского общества (XI–XX вв.)*, М., 1994; В. Г. Графский, «Представления о власти и законе в средневековой Руси: римско-византийские влияния», *Римско-константинопольское наследие на Руси: идея власти и политическая практика*, М., 1995; *Древнерусская литература: Изображение общества*, М., 1991; *Древнерусская литература: Восприятие Запада в XI–XIV вв.*, М., 1996; *Древняя Русь: пересечение традиций*, М., 1997; В. М. Живов, «История русского права как лингвосемиотическая проблема», *Из истории русской культуры*, т. 2, кн. 1: *Киевская и Московская Русь*, М., 2002, с. 652–738; В. М. Живов, Б. А. Успенский, «Царь и Бог», в: Б. А. Успенский, *Избр. тр.*, т. 1, М., 1994.; А. А. Зимин, «О статье Ю. Лотмана "Об оппозиции честь – слава в светских текстах Киевского периода"», *Уч. зап. Тартус. гос. ун-та*, 1971, вып. 284; В. И. Карпец, «Некоторые черты государственности и государственной идеологии Московской Руси: Идея верховной власти», *Развитие права и политико-правовой мысли в Московском государстве*, М., 1985; А. И. Клибанов, *Народная социальная утопия в России: период феодализма*, М., 1977; Он же, *Духовная культура средневековой Руси*, М., 1996; Л. И. Коломиец, «О фразеологических сочетаниях языка украинских актов XIV–XVI веков», *Начальный этап формирования русского национального языка*, Л., 1961; В. В. Колесов, *Древняя Русь: наследие в слове: Мир человека*, СПб., 2000; В. Л. Комарович, «Культ рода и земли в княжеской среде XI–XIII вв.», *Из истории русской культуры...*, с. 8–29; И. П. Кулакова, «Взаимоотношения государства и сословий в России второй половины XVI – начала XVII века

[р. 364]

и характере отношений между монархом и прочими людьми уделяется мало внимания.

Кроме того, среди историков-русистов нет единства по поводу понятия вассалитета – сюзеренитета. Одни отказываются его применять к древнерусским реалиям, объясняя это тем, что вассалитета Русь не знала⁴. Другие поступают наоборот, но при этом спорят, кто такие «вассалы» в соотнесении с другими группами древнерусского населения: «вассалы» то включаются в состав «подданных»⁵, то противопоставляются им, а заодно и «слугам» (причём две последние категории нередко именуется «холопами

(терминологические заметки)», *Мировосприятие и самосознание русского общества...*; А. Лаушкин, «Стихийные бедствия и природные знамения в представлениях древнерусских летописцев XI–XIII вв.», *Русское средневековье*, вып. 1, М., 1998; Ю. М. Лотман, «Об оппозиции "честь" – "слава" в светских текстах Киевского периода», *Уч. зап. Тартус. гос. ун-та*. 1967, вып. 198; Он же, «Ещё раз о понятиях "слава" и "честь" в текстах Киевского периода», там же, 1971, вып. 284; Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский, «"Изгой" и "изгойничество" как социально-психологическая позиция в русской культуре преимущественно допетровского периода», там же, 1982, вып. 576; Я. С. Лурье, *Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV – начала XVI в.*, М.–Л., 1960; И. И. Макеева, «Знамение в судьбе человека Древней

Руси», *Понятие судьбы в контексте разных культур*, М., 1994; Она же, «Этика речевого поведения в русской культуре», *Логический анализ языка: Языки этики*, М., 2000; П. Я. Мирошниченко, «Представления трудящихся о "правде" и проблема исторического значения классовой борьбы периода кризиса крепостничества», *Мат-лы XV сессии Симпозиума по проблемам аграрной истории*, вып. 2, Вологда, 1976; Л. Е. Морозова, «К вопросу о времени появления понятия "патриотизм" в общественном сознании широких народных масс», *Мировосприятие и самосознание русского общества (XI–XX вв.)*, М., 1994; Л. Н. Пушкарёв, «Богоизбранность монарха в менталитете русских придворных деятелей рубежа Нового времени», *Царь и царство...*; И. Ф. Рагозина, «Страх и бесстрашие: ценности и модели поведения (на материале русских и французских сказок)», *Логический анализ языка: Образ человека в культуре и языке*, М., 1999; В. Н. Рудаков, «Язык библии в ранних рассказах русских летописей о монголо-татарском нашествии», *Одиссей: Человек в истории: 2003*, М., 2003; С. В. Сазонов, «К проблеме восприятия смерти в средневековой Руси», *Русская история: проблемы менталитета*, М., 1994; И. П. Смирнов, «О древнерусской культуре, русской национальной специфике и логике истории», *Wiener slavistischer Almanach*, 1991, Sonderband 28; А. В. Толстикова, «Представления о государе и государстве в России второй половины XVI – первой половины XVII века», *Одиссей: Человек в истории: 2002*, М., 2002; Б. А. Успенский, «Антиповедение в культуре Древней Руси», *Избр. тр.*, т. 1, М., 1994; Л. В. Черепнин, «Из наблюдений над лексикой древнерусских актов (к вопросу о термине "правда")», *Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточно-славянских языков*, М., 1974; Л. А. Чёрная, *Русская культура переходного периода от Средневековья к Новому времени*, М., 1999; А. Л. Юрганов, *Категории русской средневековой культуры*, М., 1998; Он же, «Из истории табуированной лексики», *Одиссей: Человек в истории: 2000*, М., 2000; Е. С. Яковлева, «О концепте чистоты в современном русском языковом сознании и в исторической перспективе», *Логический анализ языка: Языки этики*, М., 2000.

4. Р. Пайпс, *Россия при старом режиме...*, с. 74–75.

5. В. В. Колесов, *Древняя Русь...*, с. 151, 178.

[р. 365]

государя»)⁶, то объединяются со «слугами» в одну группу, опять же противостоящую «подданным» («государевым холопам»)⁷.

Кроме того, хотя и была замечена связь антитезы вассал/подданный с оппозицией верность (преданность)/измена (отступничество), тем не менее эта связь не получила сколь-нибудь развёрнутой характеристики. Собственно говоря, последняя оппозиция тоже осталась практически вне поля зрения исследователей – лишь в пяти работах обнаружены наблюдения на этот счёт, да и то весьма скудные и разрозненные⁸.

Ввиду этого представляется крайне интересным не только выявить суть древнерусских представлений о верности (преданности) и измене (предательстве) середины XIII – середины XV вв., но сопоставить их с общепринятой тогда типологией отношений между монархом и прочими людьми, а также найти реально существовавшие в Древней Руси категории людей, которые теперь могут именоваться «вассалами» и «подданными».

При этом под «монархом» будет подразумеваться, во-первых, лицо знатного происхождения – носитель титула «князь», «великий князь» или «царь», а во-вторых, правитель (ныне действующий или бывший) отдельного государства – самостоятельного или даже попавшего во внешнеполитическую зависимость, но хотя бы частично сохранившего свой суверенитет. Правитель, передавший власть преемнику, не перестаёт быть монархом – равно как и властитель, потерявший в ходе войны свои владения или находящийся в изгнании, если только он не поступит на службу к другому монарху или если некогда подвластные ему земли не потеряют статуса автономного политического образования.

-
6. В. Б. Кобрин, А. Л. Юрганов, «Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси: К постановке проблемы», *История СССР*, 1991, № 4, с. 54–55; А. Л. Юрганов, «У истоков деспотизма», *История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX – начала XX в.*, М., 1991, с. 36–43; Он же, *Категории русской средневековой культуры...*, с. 220–238; Ю. М. Лотман, «"Договор" и "вручение" себя как архетипические модели культуры», *Избр. статьи*, т. 3, Таллин, 1993, с. 345–350; И. Н. Данилевский, «Холопское счастье Даниила Заточника», *Казус 2002: Индивидуальное и уникальное в истории*, вып. 4, М., 2002, с. 103–104.
7. Н. П. Павлов-Сильванский, *Феодализм в России*, М., 1988, с. 47, 95–125, 429–449; Н. А. Рожков, *Происхождение самодержавия в России*, М., 1906, с. 20–22; Л. В. Черепнин, *Вопросы методологии исторического исследования*, М., 1981, с. 151; В. Б. Кобрин, *Власть и собственность в средневековой России*, М., 1985, с. 29, 45, 49–52, 68; М. М. Кром, «К вопросу о времени зарождения идеи патриотизма в России», *Мировосприятие и самосознание русского общества...*, с. 20, 24; К. А. Соловьёв, *Властители и судьбы: Легитимация государственной власти в Древней и Средневековой Руси: IX – первая половина XV вв.*, М., 1999, с. 92, 96–97, 137–142, 163, 170–171, 183–185, 201–202.
8. Т. И. Вендина, *Средневековый человек в зеркале старославянского языка.*, М., 2002, с. 297; И. Н. Данилевский, «Холопское счастье...», с. 102–103; М. М. Кром, «К вопросу о времени зарождения идеи патриотизма...», с. 24; О. В. Мартышин, *Вольный Новгород: общественно-политический строй и право феодальной республики*, М., 1992, с. 280–281, 288, 292; В. Д. Назаров, «Честь боярская», *Родина*, 2003, № 12, с. 53.

[р. 366]

Итак, то, что мы сейчас называем верностью, преданностью, неотступной приверженностью, в древнерусском языке обозначалось чаще всего словом «*вера*». Привычное же нам слово «верность», по всей видимости, появилось в конце XIV в. на южнорусских землях в составе Великого княжества Литовского и не имело широкого распространения вплоть до XVII в. Родовым же термином для предательства и отступничества, как и сейчас, была «*измена*»⁹.

Именно «*измена*», судя по источникам, была маркированным (наиболее актуальным для носителей данной культуры) членом интересующей нас бинарной конструкции. В этом смысле между XI в.¹⁰ и XV в. разницы нет.

Нужно также заметить, что в массовом сознании Древней Руси изучаемого периода связка «*вера*»/«*измена*» всегда ассоциируется с публичной и ритуально оформленной апелляцией к высшим силам – клятвой, присягой, обетом, зарокотом, обещанием («*ротой*», «*правдой*», «*крестным целованьем*»)¹¹. Нарушение («*преступление*») данного таким образом слова – это и есть «*измена*»¹².

У слова «*измена*» было много ситуативных (окказиональных) синонимов. Религиозное «*преступление*» (переход в иную веру, еретичество) могло именоваться и как «*прелесть*», «*лесь*», «*грех*», «*зло*», «*злодейство*»¹³. Светские «*преступления*» – забвение клятвенного обещания, несоблюдение присяги, нарушение договора (о мире, союзе, подчинении/господстве и пр.) и даже простое намерение сделать что-либо из вышеперечисленного – могли маркироваться как расплывчатыми ярлыками «*злоба*», «*лесь*», так и более конкретными обозначениями «*крамола* (коромола)», «*мятеж*», «*обида*», «*хитрость*»¹⁴.

9. *Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)* [далее – *СДЯ*], т. 2, М., 1989, с. 299, 302; т. 4, М., 1991, с. 43–44; *Словарь русского языка XI–XVII вв.* [далее – *СРЯ*], вып. 2, М., 1975, с. 80, 91;

вып. 6, М., 1979, с. 172–173; вып. 18, М., 1992, с. 174–175; вып. 25, М., 2000, с. 135; «Рогожский летописец» [далее – РЛ], *Полное собрание русских летописей* [далее – ПСРЛ], т. 15, М., 2000, с. 94 (6878 г.), 131 (6885 г.).

10. Т. И. Вендина, *Средневековый человек в зеркале...*, с. 297.

11. «Московский великокняжеский свод конца XV века» [далее – МВС], ПСРЛ, т. 25, М.–Л., 1949, с. 149 (1270 г.), 177 (1347 г.), 184 (1368 г.), 220 (1392 г.), 225 (1395 г.), 233–234 (1405–1406 гг.), 246–247 (1425 г.), 248 (1431 г.); *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов* [далее – НПЛ], М.–Л., 1950, с. 347–348 (6845 г.), 359–360 (6856 г.), 385–386 (6901 г.); РЛ, с. 141 (6888 г.).

12. МВС, с. 155–156 (1283 г.), 170 (1331 г.), 176–177 (1347 г.), 184 (1368 г.), 225 (1395 г.), 232 (1404 г.), 251 (1433–1434 гг.); НПЛ, с. 343 (6839 г.), 99, 344 (6840 г.), 347–348 (6845 г.), 359–360 (6856 г.); «Лаврентьевская летопись» [далее – ЛЛ], ПСРЛ, т. 1, М., 1997, с. 482 (1284 г.); РЛ, с. 55 (6851 г.), 163 (6900 г.).

13. МВС, с. 135 (1243 г.), 142 (1255 г.), 144 (1262 г.), 220–221 (1392–1393 гг.), 259 (1437 г.); НПЛ, с. 81, 308 (6763 г.), 385–386 (6901 г.), 392–393, 461–462 (6906 г.); ЛЛ, стб. 476 (1262 г.); «Московско-Академическая летопись» [далее – МАЛ], ПСРЛ, т. 1, с. 524 (1262 г.); РЛ, с. 163 (6900 г.).

14. МВС, с. 149 (1270 г.), 225 (1395 г.), 248 (1431 г.); НПЛ, с. 89, 321 (6778 г.); РЛ, с. 111–112 (6883 г.), 149 (6891 г.), 163 (6900 г.), 176 (6908 г.); *Духовные и*

[р. 367]

«Вера» причислялась к фундаментальным человеческим ценностям. Это видно уже по тому, что в договорные грамоты попала формула: «А кто на се целованье наступить, на того – Бог и святая Богородица»¹⁵. В летописях нарушители клятвы подвергаются осуждению даже среди «чужих», «не своих» (конкретнее – «поганых татар») так что правитель Золотой Орды как должное воспринимает расправу с изменниками из числа русских людей¹⁶. Высокий ценностный статус «веры» подчёркивается и суровостью кары за клятвопреступление и вероотступничество – нормой была не только конфискация земельных владений изменника, но и умерщвление его, причём нередко с предварительным его разоблачением (обнажением) и даже демонстративным надругательством над его трупом¹⁷.

Соответственно для квалификации «измены» были нужны формальные критерии.

Во-первых, деяния, относимые обычно к её проявлениям (например, отказ в помощи союзнику или вассалу), не воспринимались в качестве «измены», если возможность и условия их совершения были указаны в договоре¹⁸.

Во-вторых, вполне нормальным в ряде случаев был односторонний разрыв клятвенно оформленных связей.

Если речь шла о договорных отношениях, то инициатору их разрыва нужно было только выполнить процедуру «сложения крестного целованья» – официально (лично или через посла) сообщить о «развержении» договора контрагенту. Это подразумевало отправление «разметной (взметной) грамоты» – если договор связывал суверенных правителей¹⁹, или, наоборот, верховного правителя с подчинённым ему монархом²⁰, или же какого-либо властителя с независимой от него «республикой» (федерацией городских общин, сохранивших вечевую систему самоуправления)²¹. Но когда «республику» и монарха связывали договорные отношения типа «подчинение

договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI веков [далее – ДДГ], М.–Л., 1950, с. 13; *Грамоты Великого Новгорода и Пскова* [далее – ГВНП], М.–Л., 1949, № 16, с. 31.

15. *ГВНП*, № 18, с. 34.

16. МВС, с. 155–156 (1283 г.), 248 (1431 г.); РЛ, с. 55 (6851 г.).

17. *ДДГ*, № 2, с. 13; МВС, с. 144 (1262 г.); *НПЛ*, с. 95, 337 (6824 г.); ЛЛ, стб. 476 (1262 г.), 481 (1283 г.); МАЛ, стб. 524 (1262 г.); РЛ, с. 50 (6847 г.), 55 (6851 г.), 149 (6891 г.); также ср.: МВС, с. 177 (1347 г.), 213 (1386 г.).

18. *НПЛ*, с. 99, 344 (6840 г.); *ГВНП*, № 15–16, с. 30–31.

19. МВС, с. 185 (1370 г.), 190 (1375 г.), 234 (1406 г.); РЛ, с. 92 (6878 г.), 110 (6883 г.), 165 (6907 г.).

20. МВС, с. 227 (1397 г.), 248 (1431 г.), 252 (1436 г.); РЛ, с. 98 (6879 г.), 104 (6880 г.).

21. *НПЛ*, с. 393 (6907 г.); РЛ, с. 86 (6875 г.).

[р. 368]

– господство», то отправление «разметной грамоты» сопровождалось отзывом/высылкой монарших наместников²².

Если же при установлении отношений клялась лишь одна сторона, то впоследствии разорвать их мог только тот, кто клятву не приносил, но опять-таки он должен был «снять целованье» – нейтрализовать обещание с помощью определённых ритуалов.

В-третьих, было нормой расторжение договора по обоюдному согласию сторон, когда контрагенты лично или через представителей «снимали целованье» друг с друга²³.

В-четвёртых, «изменой» не считалось отступление от клятвы из-за вмешательства митрополита. Он мог лично «снять целованье» с присягнувших или разрешить им это сделать самим, а иногда и принуждал их к этому²⁴.

Впрочем, обыденным и потому нормальным явлением – по крайней мере, для стороннего наблюдателя – был и уход от господина без выполнения указанных выше процедур. Летописи полны упоминаний о князьях и боярах, которые «сбежали», «отбежали», «побежали» от своего правителя (см. ниже), но крайне редко это осуждается.

Обратим внимание и на то, что в изучаемый период понятие *измены* не прилагалось и к распрям правителей-родственников, если те не были связаны друг с другом узами клятвы. При этом речь идёт и о суверенных монархах, связавших себя посредством династического брака без того, чтобы подкрепить эту связь договором о политическом альянсе.

Возникает мысль, что многочисленность и неизбывность – несмотря на все наставления и увещания со стороны церкви – усобиц на Руси в эпоху раздробленности объясняется, помимо прочего, тем, что кровнородственные отношения сами по себе не подлежали закреплению и сакрализации посредством клятвы, а значит их нарушение формально не было «злодейством». И тут уместно вспомнить замечание А. Я. Гуревича, относящееся, правда, к Западной Европе: в средневековье истинным, подлинным, действительным являлось только то, что было доказано и закреплено клятвами²⁵.

22. МВС, с. 159–160 (1312 г.), 171 (1333 г.), 172 (1339 г.), 240–241 (1412 г.); *НПЛ*, с. 94, 335 (6820 г.), 95, 337 (6824 г.), 350 (6847 г.), 369 (6875 г.), 389 (6905 г.), 403–404 (6920 г.), 421, 462 (6949 г.); РЛ, с. 162 (6900 г.); *ГВНП*, № 15, с. 30.

23. *ГВНП*, № 18, с. 34.

24. МВС, с. 149 (1270 г.), 169–170 (1330 г.), 220–221 (1392–1393 гг.); *НПЛ*, с. 89, 321 (6778 г.), 385–386 (6901 г.).

25. А. Я. Гуревич, *Категории средневековой...*, с. 182, 188.

[р. 369]

Теперь можно дополнить имеющиеся в литературе объяснения, почему Древняя Русь не знала патриотизма в современном его понимании²⁶. Конечно, князья были обязаны защищать свои владения, поддерживать в них порядок и заботиться об их процветании – они знали это и делали это в меру сил и возможностей²⁷. Но ведь подобный долг естественен для любого хозяина, поэтому вряд ли князья, восходя на трон, приносили специальную клятву верности Родине или народу – по крайней мере, об этом ничего не известно. А без такой клятвы не было оснований оценивать непатриотичные (по меркам современности) деяния монарха с помощью представлений об «измене».

Господствовало представление, что за свои деяния монарх отвечает лишь перед Богом, от которого он и получает свою власть²⁸. Поэтому не стоит удивляться, что в изучаемый период представления о монаршей «измене» практически не были связаны с понятием Родины (её тогдашние обозначения – «отечество», «отечьство», «отъчьство», «отчество», «очьство», «от(ь)чьствие», «от(ь)чина»²⁹).

С одной стороны, если монарх уличался другим правителем или «республикой» в «измене», то вместе с ним виновными оказывались и все, кто ему служил, и даже простые жители его «отчины». Последние, собственно говоря, в основном и страдали, когда потерпевшая сторона начинала войну с изменником во имя справедливости³⁰.

С другой стороны, бегство правителя за границу в кризисной ситуации воспринималось населением его «отчины» как нечто нормальное, раз в подавляющем большинстве случаев беглец по возвращении вновь оказывался на троне. Причём было не важно, убегал он к православным (в другое древнерусское государство)³¹ или же в Литву³², к «поганым» – в Орду³³ или к «немцам» (в Ливонию или Швецию)³⁴.

26. М. М. Кром, «К вопросу о времени зарождения идеи патриотизма...», с. 16–28; Л. Е. Морозова, «К вопросу о времени появления понятия "патриотизм"...», с. 31–37.

27. МВС, с. 150–151 (1271–1272 г.), 186 (1370 г.), 233–234 (1405–1406 г.); *НПЛ*, с. 314 (6774 г.), 424 (6953 г.); РЛ, с. 85 (6875 г.), 88 (6876 г.).

28. МВС, с. 148 (1269 г.), 152 (1280 г.); *НПЛ*, с. 385 (6907 г.); РЛ, с. 41 (6827 г.), 51–52 (6847 г.), 56 (6852 г.), 164 (6900 г.); К. А. Соловьёв, *Властители и судьи...*, с. 215–217, 220.

29. *СДЯ*, т. 6, М., 2000, с. 312, 314–315; *СРЯ*, вып. 13, М., 1987, с. 238–239; МВС, с. 146 (1266 г.), 171 (1333 г.), 249–250 (1432 г.); РЛ, с. 44 (6835 г.); *Библиотека литературы Древней Руси*, т. 6, СПб., 1999, с. 56, 58, 78; Т. И. Вендина, *Средневековый человек...*, с. 294; М. М. Кром, «К вопросу о времени зарождения идеи патриотизма...», с. 21–22; В. В. Колесов, *Древняя Русь...*, с. 256–259.

30. МВС, с. 142 (1255 г.), 393 (1305 г.), 173 (1341 г.), 188 (1373 г.), 220 (1393 г.); *НПЛ*, с. 80, 307 (6763 г.), 95, 337 (6824 г.), 353 (6848 г.), 389–393, 461–462 (6905–6906 гг.); РЛ, с. 111–112 (6883 г.).

31. МВС, с. 141–142 (1252 г.), 143 (1257 г.), 157 (1293 г.), 167 (1322 г.), 168 (1328 г.), 171 (1337 г.), 232 (1404 г.), 236 (1406 г.), 251 (1434 г.); *НПЛ*, с. 82, 309 (6765 г.), 327 (6801 г.), 96–97, 339, 457 (6830 г.), 349 (6846 г.), 417 (6942 г.); ЛЛ,

Аналогичным образом и бегство князя из города вместо его защиты от врага, если вызывало и осуждение, всё же «изменой» не считалось. Недаром в подобных ситуациях вслед за князем город часто покидали и прочие жители³⁵.

Как норма воспринималось, очевидно, и разорение монархом своей же «отчины», даже если он приводил иноземные войска. Подобное оценивалось как «зло» (летописцем и, видимо, пострадавшими) лишь в случае недопустимых, чрезмерных бесчинств со стороны княжеских воинов. Такие столкновения с «родным» населением бывали у монарха при усобицах и подавлении мятежей³⁶, а также после восшествия его на трон за границей³⁷.

Ментальной подоплёкой такого положения вещей было массовое убеждение, что сам Бог даровал монархам право на месть (возмездие)³⁸. Но при этом и простые обитатели «отчины» считали себя вправе отомстить правителю за произвол и насилие, подняв мятеж³⁹. Кроме того, бывали случаи, когда ополчение уходило от князя перед сражением или бежало с поля битвы, а город в отсутствие князя сдавался противнику без боя. И всё это не расценивалось в народе как «измена», хотя князь, конечно, мог считать иначе⁴⁰.

Далее, отсутствием каких бы то ни было договоров о правилах ведения боевых действий можно объяснить и восприятие военной «хитрости» (обмана противника) как чего-то само собой разумеющегося⁴¹, и чрезмерную, на современный взгляд, жестокость войск по отношению к

стб. 473–474 (1254 г.); МАЛ, стб. 527 (1293 г.), 530 (1327 г.); РЛ, с. 42 (6830 г.), 44 (6835 г.), 48 (6845 г.).

32. МВС, с. 169–170 (1330 г.), 171 (1333 г.), 184 (1368 г.), 185–186 (1370 г.), 227 (1397 г.); *НПЛ*, с. 424–425 (6953 г.); РЛ, с. 66 (6865–6866 гг.), 69 (6868 г.), 84 (6875 г.), 88 (6876 г.), 92 (6878 г.), 109 (6883 г.), 147 (6890 г.).

33. МВС, с. 236 (1406 г.); РЛ, с. 51 (6847 г.), 54 (6850 г.), 104–105 (6880–6881 гг.), 164 (6901 г.).

34. МВС, с. 141 (1252 г.), 241 (1412 г.); *НПЛ*, с. 404 (6920 г.), 423 (6952 г.), 425 (6953 г.); РЛ, с. 38 (6826 г.).

35. МВС, с. 210 (1382 г.), 220 (1392 г.), 260 (1439 г.); РЛ, с. 119 (6885 г.), 133, 135 (6886 г.), 144 (6889 г.); 147 (6890 г.), 165 (6906 г.), 182 (6917 г.).

36. МВС, с. 155–156 (1283–1284 гг.), 159 (1310 г.), 161 (1316 г.), 174–175 (1342 г.), 188 (1372–1373 гг.), 225–226 (1395 г.); ЛЛ, стб. 482 (1284 г.); РЛ, с. 51 (6847 г.), 54 (6850 г.), 65 (6864 г.), 99–100 (6880 г.).

37. М. М. Кром, «К вопросу о времени зарождения идеи патриотизма...», с. 20; МВС, с. 146 (1266 г.), 171 (1333 г.); *НПЛ*, с. 314 (6774 г.); РЛ, с. 33 (6773 г.); *Библиотека литературы Древней Руси...*, с. 56–60.

38. МВС, с. 145 (1265 г.), 155–156 (1283 г.), 168 (1327 г.), 186 (1370 г.); *НПЛ*, с. 314 (6773 г.), 319–320 (6778 г.), 393 (6907 г.), 409 (6926 г.), 421, 462 (6949 г.); ЛЛ, стб. 482 (1284 г.); РЛ, с. 88 (6876 г.).

39. МВС, с. 393 (1305 г.), 172 (1340 г.), 231 (1401 г.); *НПЛ*, с. 397 (6909 г.); МАЛ, стб. 531 (1341 г.); РЛ, с. 53 (6848 г.).

40. МВС, с. 136 (1245 г.), 159 (1310 г.); *НПЛ*, с. 398 (6912 г.).

41. МВС, с. 141–142 (1252 г.), 233 (1404 г.), 252 (1436 г.); *НПЛ*, с. 426 (6953 г.); ЛЛ, стб. 486 (1301 г.); РЛ, с. 31 (6759 г.), 88 (6876 г.), 144 (6890 г.).

мирным жителям, которая, кстати, не слишком различалась, и когда враги представляли иную этноконфессиональную общность⁴², и когда они были православными, но «чужими» (жили вне Руси или всё же в её пределах, но вне «отчины» данного монарха)⁴³ и даже когда врагами были в полном смысле соотечественники⁴⁴.

Единственным вариантом, так сказать, гуманизации боевых действий были клятвенные обещания противнику сохранить ему жизнь, честь и личное имущество при условии сдачи. Правда, такие заверения могли восприниматься теми, кто их давал, как разновидность военной – экстраординарной – «хитрости» и поэтому нарушаться⁴⁵.

Это значит, что древнерусские представления о верности/измене были тесно связаны с различием «своих» и «чужих» – тех, кто входит в сферу действия морали, и тех, кто вне её.

В узком, исконном смысле слова «своими» для монарха были, очевидно, только жители его «отчины» – те, кого он перед смертью звал «братьями» и у кого просил прощения⁴⁶, а для жителя «республики» – лишь те, кто, как и он, жили на её землях. Поэтому вполне понятно, почему даже в мирное время договоры с «чужаками» (включая православных – так сказать, «своих среди чужих») часто нарушались при малейшем поводе и почему это не всегда квалифицировалось как «измена»⁴⁷. Дурной пример подавали и монгольские «цари», не раз нарушавшие свои обещания, которые, впрочем, клятвой с их стороны не подкреплялись⁴⁸.

Наиболее близкими для монарха из числа «своих» (кроме родственников) были, очевидно, служившие ему знатные лица. Применительно к ним выражение «служить князю верой» имело более глубокий смысл, нежели

42. МВС, с. 146 (1266 г.), 150–151 (1272 г.), 152 (1277 г.), 192 (1376 г.), 194 (1377 г.); РЛ, с. 81 (6874 г.), 120 (6885 г.).

43. МВС, с. 151 (1273 г.), 152 (1279 г.), 153 (1281 г.), 393 (1305 г.), 167 (1322 г.), 173 (1341 г.), 184–185 (1368 г.), 185 (1370 г.), 188 (1373 г.), 190–191 (1375 г.), 213 (1387 г.), 220 (1393 г.), 240 (1410 г.), 250–252 (1432, 1434–1435 гг.); *НПЛ*, с. 324 (6789 г.), 326 (6792, 6797 гг.), 327 (6801 г.), 95, 337 (6824 г.), 98, 459 (6835 г.), 99, 344 (6840 г.), 353 (6848 г.), 371–373 (6880, 6883 гг.), 392–393, 461–462 (6906 г.), 396–397 (6909 г.), 402 (6918 г.), 425–426 (6953 г.); ЛЛ, стб. 483 (1294 г.); МАЛ, стб. 526 (1285 г.), 527 (1293 г.); РЛ, с. 34 (6796 г.), 35–38 (6801, 6822–6823, 6825 гг.), 63 (6862 г.), 84 (6875 г.), 93 (6878 г.), 96 (6879 г.), 99–102 (6880 г.), 111–114 (6883 г.), 138 (6887 г.), 146 (6890 г.), 162 (6900 г.), 186 (6919 г.).

44. См. примеч. 36, а также: МВС, с. 156 (1285 г.), 171 (1333 г.), 213 (1386 г.), 220 (1392 г.), 233 (1405 г.).

45. МВС, с. 225 (1395 г.), 244 (1418 г.), 248 (1431 г.).

46. МВС, с. 230 (1400 г.); РЛ, с. 172–173 (6907 г.).

47. О. В. Мартышин, *Вольный Новгород...*, с. 229; МВС, с. 149 (1270 г.), 170 (1331 г.), 175–177 (1346–1347 гг.), 184 (1366, 1368 гг.), 251 (1433–1434 гг.), 240–241 (1412 г.); *НПЛ*, с. 320 (6778 г.), 347–348 (6845 г.), 358–359 (6854 г.), 369 (6874 г.), 389 (6905 г.), 392–393, 461–462 (6906 г.), 396–397 (6909 г.), 403–404 (6920 г.); ЛЛ, стб. 483 (1295 г.); РЛ, с. 87 (6876 г.).

48. РЛ, с. 48–50 (6845–6847 гг.), 179–182 (6917 г.).

механическое соблюдение некогда взятых обязательств. Летописным идеалом была верность бояр князю в любой ситуации (даже если он стал «изгоем») и до их смертного конца, причём лучшей смертью для служилого человека считалась гибель в бою за господина⁴⁹. И действительно, бояре очень часто наказывались и гибли вместе со своим князем⁵⁰, а нередко

и вместо него⁵¹. После их гибели уже князь должен был демонстрировать верность погибшим соратникам – например, он заказывал по ним панихиду («творил память избитым бояром»)⁵².

В мирное время идеальной нормой службы монарху являлось, можно полагать, противодействие любым попыткам лишить его власти путём интриг. Для князей, в роду которых не было великих князей Владимирских, эта норма подразумевала участие в борьбе за великое княжение на стороне тех князей, с которыми у них были взаимовыгодные отношения договорного характера⁵³.

Идеальный вариант «*веры*» применительно к монарху нередко обозначался словом «любовь». Оно могло указывать на должные или желательные отношения между суверенными монархами⁵⁴, а также между правителем и подвластными ему людьми – как полностью от него зависимыми (например, тяглым населением его «отчины»)⁵⁵, так и относительно самостоятельными⁵⁶.

Итак, мы можем утверждать, что в Древней Руси, как и в средневековой Западной Европе, с помощью клятвы конституировались все наиболее важные (по меркам изучаемой эпохи) социальные отношения. При этом в обоих регионах клятвенно оформленные связи делились на *договорные* (эквивалентные) и *квазидоговорные* (неэквивалентные).

Договорным отношениям соответствует стремление (оформленное как обязательство) **каждого** из участников поддерживать взаимовыгодное

49. ЛЛ, стб. 473–474 (1254 г.); РЛ, с. 48 (6844 г.), 94 (6878 г.); В. Д. Назаров, «Честь боярская», с. 53.

50. МВС, с. 136 (1246 г.), 200 (1378 г.); *НПЛ*, с. 298, 452 (6753 г.), 84 (6771 г.), 96, 457 (6827 г.), 378 (6889 г.); РЛ, с. 31 (6754 г.), 36 (6823 г.), 87 (6876 г.), 153 (6895 г.), 165 (6907 г.).

51. МВС, с. 143 (1257 г.), 154–155 (1283 г.), 156 (1285 г.), 173 (1341 г.), 214 (1388 г.), 232 (1404 г.); *НПЛ*, с. 82, 309 (6765 г.), 353 (6848 г.), 412 (6927 г.); ЛЛ, стб. 481 (1283 г.); МАЛ, стб. 526 (1285 г.); РЛ, с. 42 (6830 г.), 59 (6856–6857 гг.), 75 (6871 г.), 84 (6875 г.), 150 (6893 г.), 155 (6896 г.).

52. ЛЛ, стб. 482 (1284 г.).

53. МВС, с. 251 (1433 г.); РЛ, с. 68 (6867 г.), 77–78 (6873 г.).

54. РЛ, с. 59 (6857 г.); *ГВНП*, № 13, с. 26.

55. РЛ, с. 172–173, 175 (6907 г.), 178–179 (6917 г.).

56. МВС, с. 153 (1281 г.), 158 (1296 г.), 214 (1389 г.), 225 (1395 г.), 232 (1403 г.), 230 (1400 г.), 240–241 (1412 г.), 246–247 (1425 г.); *НПЛ*, с. 403–404 (6920 г.); МАЛ, стб. 528 (1296 г.), 532 (1362 г.); РЛ, с. 34 (6796 г.), 41 (6827 г.), 66 (6865 г.), 72 (6869 г.), 92 (6878 г.), 105 (6881 г.), 140 (6888 г.), 155 (6896 г.), 157 (6897 г.), 162 (6900 г.), 172 (6907 г.), 176–177 (6908 г.), 178 (6917 г.); *ДДГ*, № 2, 5, с. 12–13, 20.

сотрудничество на заранее определённых условиях; такие связи можно назвать субъект-субъектными. Они бывают и «горизонтальными» (равноправными) и «вертикальными» (неравноправными).

При *квазидоговорных* отношениях готовность их установить и обязанность их поддерживать отличает лишь **одного** из контрагентов; такие связи можно именовать субъект-объектными. Они всегда «вертикальны», причём направлены «снизу вверх»⁵⁷.

На средневековом Западе эта типология была, в частности, основой для отличия вассальных отношений от отношений подданства⁵⁸. Она может помочь и нам – не только в

различении *вассалов* и *подданных* на Руси середины XIII – середины XV вв., но и при анализе различных аспектов оппозиции «*вера*»/«*измена*».

Поскольку эта оппозиция использовалась при осмыслении обоих типов клятвенно оформленных отношений, постольку ради лаконичности и недопущения путаницы можно обозначить её варианты разными словами: с *договорными* отношениями можно увязать антитезу «верность/предательство», а с *квазидоговорными* – «преданность/отступничество».

Классификация *договорных* связей на Руси вообще представляется такой: «горизонтальные» – это связи между побратимами⁵⁹; между мужем и женой; между «республиками»; между «республикой» и «чужим» для неё правителем; между независимыми правителями; «вертикальные» – это отношения между *вассалом* и *сюзереном*.

Квазидоговорными следует считать следующие виды связей: индивид – Бог, прислуга – господин, житель «республики» – она как целое, «пригород» – столица «республики», *подданные* – *деспот*.

С монархизмом не пересекались, пожалуй, лишь представления о «*вере*»/«*измене*», которые сопровождали отношения побратимства в среде простолюдинов⁶⁰, а также между «республиками», на время не подвластными князьям⁶¹.

57. Н. П. Павлов-Сильванский, *Феодализм в России*, с. 73–74; Ю. М. Лотман, «"Договор" и "вручение"...», с. 345–352; К. А. Соловьёв, *Властители и судьи...*, с. 37–41, 87–101, 129–139, 186–188, 219, 235; А. Л. Юрганов, *Категории русской средневековой...*, с. 220–224.

58. См. примеч. 2, а также: Н. П. Павлов-Сильванский, *Феодализм в России*, с. 96, 101–102, 431–432, 438–439, 503.

59. Элитарным вариантом побратимства можно считать установление между князьями-неродственниками таких отношений, когда они именуется «отцом»/ «сыном» или «братом старейшим»/ «молодшим» (см. далее).

60. Г. И. Сорокин, *К истории побратимства*, М., 1889; М. М. Громько, *Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в.*, М., 1986, с. 70–81; Она же, «Обычай побратимства в былинах», *Фольклор и этнография*, Л., 1987.

61. МВС, с. 177 (1347 г.); РЛ, с. 86 (6875 г.).

Частично монархическими были представления о «*вере*»/«*измене*», с помощью которых поддерживались отношения между индивидом и Богом (князья имели перед Господом не только свой особый долг, но и общехристианский)⁶²; между мужем и женой (из правящей фамилии)⁶³; между прислугой и господином (если речь идёт о личных слугах и министерналах правителя)⁶⁴; между жителем «республики» и ею в целом (при сепаратном взаимодействии с монархом – «своим» или «чужим»)⁶⁵; между «пригородом» и столицей «республики» (при разногласиях по поводу монарха и взаимодействия с ним)⁶⁶.

Теперь поговорим о древнерусском *вассалитете* и *подданстве*. Будем отталкиваться от буквального значения слова *подданные* – это люди, у которых нет никакой защиты от произвола монарха, ибо они «даны» ему во власть помимо их воли. Их господин – *деспот*. Коли так, то их противоположностью – *вассалами* – должны быть люди, у которых есть право и реальная возможность самим решать, какому правителю и на каких условиях подчиняться, и которые служат монарху по договору. Их господин – *сюзерен*.

Думается, неправы авторы, которые полагают, что отличительными чертами лишь *вассалитета* – *сюзеренитета* были взаимовыгодный обмен услугами («покровительство и пожалования в обмен на подчинение и службу»)⁶⁷, правовое регулирование этих отношений и

допуск служилых людей к высшему управлению и судопроизводству⁶⁸. Дело в том, что эти нормы могли также лежать в основе взаимодействия *деспота* и *подданных*. В изучаемый период на Руси существовали оба типа отношений (деспотические культивировали «татарские цари» и те великие князья, что им подражали)⁶⁹, и в обоих случаях применялись данные принципы.

62. МВС, с. 148 (1269 г.), 170 (1331 г.), 184 (1368 г.), 235 (1406 г.); *НПЛ*, с. 344 (6839 г.), 348 (6845 г.), 385 (6907 г.), 420 (6948 г.); ЛЛ, стб. 481 (1283 г.); РЛ, с. 87 (6876 г.); К. А. Соловьёв, *Властители и судьи...*, с. 215–217.

63. МВС, с. 141–142 (1252 г.), 152 (1277 г.), 158 (1295 г.), 161 (1317 г.), 227 (1397 г.), 230 (1400 г.), 232 (1402 г.), 236 (1406 г.), 250 (1433 г.); *НПЛ*, с. 416 (6940 г.); ЛЛ, стб. 473 (1252 г.), 475 (1258 г.); МАЛ, стб. 528 (1295 г.); РЛ, с. 44 (6835 г.), 177 (6908 г.).

64. РЛ, с. 39 (6826 г.), 50–51 (6847 г.); *ДДГ*, № 4, с. 17, 19.

65. О. В. Мартышин, *Вольный Новгород...*, с. 280–281, 288, 292; МВС, с. 142 (1255 г.), 175 (1346 г.), 188 (1373 г.); *НПЛ*, с. 81, 308 (6763 г.), 391 (6906 г.).

66. МВС, с. 143 (1257 г.), 146–147 (1266 г.); *НПЛ*, с. 82, 309 (6765 г.), 85, 315 (6774 г.); РЛ, с. 101 (6880 г.).

67. Н. П. Павлов-Сильванский, *Феодализм в России...*, с. 104–109, 396–398, 411–422, 437–438, 442–446.

68. Н. А. Рожков, *Происхождение самодержавия...*, с. 21; К. А. Соловьёв, *Властители и судьи...*, с. 138–139.

69. И. Н. Данилевский, «Холопское счастье...», с. 101–105; В. Б. Кобрин, *Власть и собственность...*, с. 45; В. Б. Кобрин, А. Л. Юрганов, «Становление деспотического самодержавия...», с. 52–56; А. Л. Юрганов, «У истоков деспотизма», с. 34–75; Он же, *Категории русской средневековой культуры...*,

[р. 375]

Действительно, санкцию на владение «отчинами» давали не только монгольские «цари»⁷⁰, но и великие князья Владимирские⁷¹, у которых под началом были не только «марионетки», но и «строптивцы» (например, владетельные и удельные князья). Местные правители могли рассчитывать на военную помощь и со стороны правителя Орды⁷², и со стороны менее деспотичного монарха – великого князя Литовского⁷³ или русского князя (причём не только Владимирского)⁷⁴. «Пожалования» и «почести» также исходили от всех верховных правителей – и «царей»⁷⁵, и великих князей (литовских⁷⁶ и русских⁷⁷) – вне зависимости от того, как они смотрели на подвластных им людей.

Если же говорить о долге перед правителем, то опять-таки не будет разницы между теми, кто в данный момент служил деспоту, и теми, кто был связан с монархом иного типа. И те, и другие по приказу господина

с. 223, 229–238; К. А. Соловьёв, *Властители и судьи...*, с. 113–149, 155–185, 200–205.

70. МВС, с. 136 (1243–1244 гг.), 139 (1247 г.), 141 (1249 г.), 153 (1281 г.), 393 (1304 г.), 161 (1317 г.), 167 (1322 г.), 171 (1336–1338 гг.), 173 (1341 г.), 177 (1348 г.), 179 (1353 г.), 180 (1355 г.), 181–183 (1359–1360, 1362–1365 гг.), 186–187 (1370–1371 гг.), 190 (1375 г.), 211 (1383 г.), 218 (1389 г.), 220 (1392 г.), 246–247 (1425 г.), 249–250 (1431–1432 гг.), 263 (1446 г.); *НПЛ*, с. 298–299, 452 (6753 г.), 324 (6790 г.), 92, 332 (6812 г.), 96, 338, 457 (6827 г.), 96–97, 339, 457 (6830 г.), 469 (6836 г.), 349 (6846 г.), 363 (6861 г.), 379 (6891 г.), 416 (6940 г.); ЛЛ, стб. 470

(1243–1244 гг.), 472 (1249 г.), 473 (1252 г.); МАЛ, стб. 523 (1243–1244, 1246 гг.), 528–533 (1305, 1317, 1322, 1341, 1360, 1371 гг.); РЛ, с. 31 (6752 г.), 35 (6815 г.), 42 (6834 г.), 48 (6845 г.), 49, 52 (6847 г.), 53 (6848–6850 гг.), 64 (6863 г.), 68–69 (6867–6868 гг.), 72–73 (6870 г.), 77–78 (6872 г.), 92–93 (6878 г.), 95–96 (6879 г.), 110 (6883 г.), 149 (6891 г.), 154 (6896 г.), 164 (6900 г.).

71. МВС, с. 139 (1247 г.), 187 (1371 г.), 200–201 (1379 г.), 218 (1389 г.), 227 (1397 г.), 236 (1406 г.), 237 (1408 г.), 250 (1433 г.), 252 (1434–1435 гг.); *НПЛ*, с. 420–421 (6948 г.), 420 (6948 г.); ЛЛ, стб. 471 (1247 г.); РЛ, с. 31 (6755 г.), 138 (6887 г.), 141 (6888 г.).

72. МВС, с. 141 (1252 г.), 153 (1281 г.), 154–155 (1282–1283 гг.), 156 (1285 г.), 157 (1293 г.), 161 (1316–1317 гг.), 167 (1322, 1325 гг.), 168 (1327 г.), 174 (1342 г.), 177 (1349 г.), 180 (1357–1358 гг.), 189 (1374 г.), 234 (1406 г.); *НПЛ*, с. 89, 320 (6778 г.), 327 (6801 г.), 94, 336 (6823 г.), 97, 340 (6833 г.), 98, 459 (6835 г.), 324 (6790 г.); ЛЛ, стб. 473 (1252 г.); МАЛ, стб. 529 (1315–1317 гг.), 530 (1327 г.); РЛ, с. 31 (6759 г.), 34 (6789, 6791 гг.), 37–38 (6825 г.), 42 (6830 г.), 48 (6846 г.), 51 (6847 г.), 54 (6850 г.), 65 (6865 г.), 96 (6879 г.), 179 (6917 г.).

73. *НПЛ*, с. 393 (6907 г.), 424 (6952 г.).

74. МВС, с. 176–177 (1347 г.), 183 (1365 г.), 187 (1371 г.), 233–234, 236 (1405–1406 гг.); *НПЛ*, с. 359–360 (6856 г.), 389 (6905 г.), 398 (6912 г.); РЛ, с. 78 (6872 г.).

75. МВС, с. 136 (1243, 1245 гг.), 139 (1246–1247 гг.), 171 (1336, 1338 гг.), 177 (1348 г.), 180 (1355 г.), 210 (1382 г.), 220 (1392 г.); *НПЛ*, с. 469 (6836 г.), 349–350 (6846–6847 гг.); ЛЛ, стб. 470–472 (1244–1246, 1249 гг.), 474 (1256 г.); МАЛ, стб. 523 (1243, 1244, 1246 гг.); РЛ, с. 31 (6751–6752 гг.), 32 (6760 г.), 47–48 (6844–6845 гг.), 51–52 (6847 г.), 56 (6852 г.), 58 (6856 г.), 59 (6858 г.).

76. *НПЛ*, с. 420 (6948 г.).

77. МВС, с. 171 (1334 г.), 228 (1398 г.), 234, 236 (1406 г.), 237 (1408 г.), 249–250 (1432 г.), 252 (1436 г.); МАЛ, стб. 524 (1259 г.); РЛ, с. 85 (6875 г.), 138 (6887 г.), 186 (6919 г.).

[р. 376]

отправлялись вместе на войну или посылали ему войска⁷⁸, служили при его дворе, тысячками или наместниками⁷⁹, подносили ему дары и оказывали финансовую помощь⁸⁰. Ни те, ни другие не должны были нарушать порядка во владениях господина и совершать акции, наносящие ему или его представителям какой-либо ущерб⁸¹.

Наконец, переход на службу к монарху по договору мог внешне почти не отличаться от перехода под его руку в качестве подданного – соглашения о *вассалитете* – *сюзеренитете* нередко навязывались грубой силой⁸².

Однако обратим внимание на то, что в случаях, когда монгольский «царь» начинал войну с подвластными ему монархами, те, чувствуя свою неправоту и/или слабость, предпочитали уклониться от боя и скрыться подальше, чтобы просто переждать его гнев⁸³. Когда же противными сторонами оказывались правители, связанные *договором* (причём не важно – суверенные монархи или находящиеся в отношениях господства/подчинения), то слабый и/или неправый чаще всего не убегал, а старался «добить челом», т. е. начать переговоры о мире и восстановлении отношений⁸⁴.

Дело в том, что *подданные* – и речь идёт как о тяглом населении, так и о знатных лицах – в рамках «светского» права находились под исключительной юрисдикцией правителя, который мог наказать их «без суда» (без разбирательства в присутствии обвиняемого или его представителя), а также покарать их жён и/или детей. Если же суд всё же имел место, его вершил не обязательно сам правитель – это делать могли также наместники и специальные судьи. При этом в число обычных наказаний входила смертная

78. МВС, с. 144 (1262 г.), 147–148 (1268 г.), 152 (1277–1278 гг.), 172 (1340 г.), 183 (1365 г.), 185 (1370 г.), 194 (1377 г.), 214 (1387 г.), 251 (1434 г.), 395 (1445 г.); *НПЛ*, с. 312, 454 (6770 г.), 317 (6776 г.), 399 (6914 г.); МАЛ, стб. 525 (1277 г.), 529 (1315 г.), 533 (1370 г.), 536 (1380 г.); РЛ, с. 34 (6796 г.), 51 (6847 г.), 53 (6848 г.), 94 (6878 г.), С. 110–111 (6883 г.).

79. МВС, с. 214 (1387 г.), 232 (1402 г.), 236 (1406 г.), 240–241 (1412 г.); *НПЛ*, с. 399 (6914 г.), 403–404 (6920 г.); К. А. Соловьёв, *Властители и судьбы...*, с. 181.

80. МВС, с. 143 (1257 г.), 172 (1339 г.), 211 (1384 г.), 221 (1393 г.); *НПЛ*, с. 82, 309 (6765 г.), 89 (6778 г.), 99, 344 (6840 г.), 350 (6847 г.), 419 (6947 г.); ЛЛ, стб. 474 (1256 г.); РЛ, с. 38 (6826 г.), 41 (6829 г.), 53 (6848 г.), 93 (6878 г.), 96 (6879 г.), 141–142 (6888 г.), 149 (6892 г.).

81. МВС, с. 143 (1259 г.), 155–156 (1283 г.), 251 (1433 г.); *НПЛ*, с. 82, 310 (6767 г.), 469 (6836 г.); ЛЛ, стб. 473 (1252 г.), 475 (1258 г.), 482 (1284 г.); МАЛ, стб. 536–537 (1382 г.); РЛ, с. 32 (6767 г.), 34 (6796 г.), 43 (6834 г.), 140 (6888 г.).

82. О. В. Мартышин, *Вольный Новгород...*, с. 238–240; *ГВНИ*, № 18; МВС, с. 159–160 (1312 г.), 173 (1341 г.), 185–187 (1370–1371 гг.), 188 (1373 г.); *НПЛ*, с. 94, 335 (6820 г.), 99, 344 (6840 г.), 353 (6848 г.); МАЛ, стб. 474 (1255 г.); РЛ, с. 33 (6778 г.), 83, 85 (6874–6875 гг.), 165 (6907 г.).

83. *НПЛ*, с. 378 (6890 г.); МАЛ, стб. 536–537 (1382 г.); РЛ, с. 119 (6885 г.), 133, 135 (6886 г.), 143–144 (6890 г.).

84. МВС, с. 178 (1352 г.), 183 (1365 г.), 185 (1370 г.), 191 (1375 г.); *НПЛ*, с. 373 (6883 г.); МАЛ, стб. 535 (1375 г.); РЛ, с. 60 (6860 г.), 92 (6878 г.), 112 (6883 г.).

[р. 377]

казнь. Такой властью обладали не только «цари»⁸⁵, но и монархи рангом ниже⁸⁶.

Подданные вроде бы тоже заключали соглашение с правителем, но это был *квазидоговор*, т. к. при его оформлении монарх, в отличие от них, не клялся. Не случайно этот переход обозначался словами «задаться» или «дать себя»⁸⁷. Думается, не случайно и то, что клятву при установлении подобных отношений стали в конце концов называть по-особому – «присяга»⁸⁸.

Подданные поступались частью прав на свои земельные владения в пользу господина (и «татарского царя», и князя) и потому теряли свои земли, если переходили под власть иного суверенного правителя⁸⁹.

Но нельзя считать, что *подданные* в Древней Руси середины XIII – середины XV вв. были совершенно бесправными – воистину «холопами государя». Поскольку большинство их составляли «свободные» (полноправные) люди, а всякий «свободный» был членом общинной корпорации, постольку они имели определённые права, которые хотя и немного, но ограничивали власть монарха.

Вспомним, что «вои» (ополченцы) могли в любой момент покинуть князя, а горожане в его отсутствие – сдать противнику без боя. Можно добавить и такие примеры: столичная община имела право и реальную возможность «не пустить» князя, если тот желал покинуть город (даже на время!), а также запретить ему поделиться частью «отчих» владений⁹⁰.

Не стоит упускать из виду, что одному и тому же монарху могли служить одновременно и вассалы, и подданные, т. е. он мог быть сразу и *сюзереном*, и *деспотом*. Кроме того, сюзерен-деспот мог быть сам одновременно и вассалом (например, «местный» князь по отношению к

85. МВС, с. 136 (1246 г.), 150 (1270 г.), 155–156 (1283 г.), 161 (1318 г.), 167–168 (1325–1326 г.), 172 (1339 г.), 172 (1340 г.), 179–180 (1354 г.); *НПЛ*, с. 298, 452 (6753 г.), 96, 338, 457 (6827 г.), 97, 340, 458 (6833–6834 г.), 348–350 (6847 г.); *ЛЛ*, стб. 471 (1246 г.), 473 (1252 г.), 482 (1284 г.); *МАЛ*. Стб. 529 (1318 г.), 530 (1325–1326 г.), 531 (1340 г.), 536–537 (1382 г.); *РЛ*, с. 31 (6754 г.), 39–39 (6826 г.), 42 (6834 г.), 45 (6838 г.), 48–51 (6845–6847 г.), 58 (6856 г.), 64 (6863 г.), 67 (6866 г.).

86. МВС, с. 172 (1340 г.), 232 (1403 г.), 236 (1406 г.); *НПЛ*, с. 422 (6950 г.); *ЛЛ*, стб. 471 (1246 г.); *РЛ*, с. 146 (6890 г.).

87. Н. П. Павлов-Сильванский, *Феодализм в России*, с. 107–108, 397, 404, 412–421; МВС, с. 232 (1404 г.).

88. Ср.: *СДЯ*, т. 4, с. 227–229; *СРЯ*, вып. 7, М., 1980, с. 191–193; там же, вып. 20, М., 1995, с. 48–49.

89. Н. П. Павлов-Сильванский, *Феодализм в России*, с. 116–117; В. Б. Кобрин, *Власть и собственность*, с. 52; *ДДГ*, № 61; МВС, с. 156 (1283 г.), 244 (1419 г.); *НПЛ*, с. 412 (6927 г.); *РЛ*, с. 55 (6851 г.), 140–141 (6888 г.).

90. МВС, с. 159 (1310 г.), 169–170 (1330 г.), 393 (1303 г.); *ЛЛ*, стб. 475 (1258 г.).

[р. 378]

великому князю – не обязательно Владимирскому), и подданным (по отношению к «цесарю татарскому») ⁹¹.

Но вернёмся к разговору о наглядных признаках *договорных* отношений с монархом.

Судя по источникам, выделение подобных связей на уровне лексики было, но не слишком чёткое. Это вполне естественно, т. к. древнерусскому языку была присуща чрезмерная (на современный взгляд) полисемантичность и метафоричность ⁹².

Например, одни и те же синонимичные слова – «ряд» и «докончание» – обозначали *договоры* и международного уровня (между суверенными правителями или между «республикой» и правителем государства, находившегося вне Руси), и на уровне взаимодействия монарха с подчинёнными ему, но относительно самостоятельными людьми – иерархами, властителями более низкого ранга, служилыми людьми, «республиками» ⁹³.

Возьмём также упоминания о «челобитье» монарху при установлении с ним отношений господства/подчинения. Ритуал, обозначаемый этим словом, был, судя по всему, таким же обязательным элементом заключения *договора* с правителем, как и клятва ему ⁹⁴. Но вряд ли правильно считать, что только при договорных отношениях с монархом «били челом» и клялись ему. Так полагает, например, Н. П. Павлов-Сильванский, однако он сам себя опровергает, приводя примеры подобных ритуалов и при «закладничестве» монарху, т. е. при переходе к нему в *подданство* ⁹⁵. Опровержением служат и летописные данные о «челобитьях» и клятвах (даже со стороны владетельных князей) при установлении отношений с *деспотами* ⁹⁶.

Критерием отличия *договорных* отношений с монархом от *квазидоговорных*, а значит *вассалов* от *подданных* не может быть и употребление/избегание в публичном обращении к правителю эпитетов «господин», «господарь» и «государь».

91. А. Л. Юрганов, «У истоков деспотизма», с. 34–68; Он же, *Категории русской средневековой культуры...*, с. 231–233; *ГВНП*, № 20, с. 37; МВС, с. 244 (1419 г.); *РЛ*, с. 55 (6851 г.).

92. В. Б. Кобрин, *Власть и собственность*, с. 28; А. Л. Юрганов, *Категории русской средневековой культуры*, с. 25.

93. СДЯ, т. 3, М., 1990, с. 38–40; ДДГ, № 2–61; ГВНП, № 11–13, 16, 18–19, 29, 38, 46; РЛ, с. 75 (6871 г.), 85 (6875 г.), 104 (6880 г.), 138 (6887 г.), 140–141 (6888 г.); К. А. Соловьёв, *Властители и судьи...*, с. 211–212.

94. РЛ, с. 138 (6887 г.), 140–141 (6888 г.), 162–163 (6900 г.).

95. Н. П. Павлов-Сильванский, *Феодализм в России*, с. 47, 101–103, 108, 397, 414, 438–440.

96. МВС, с. 244 (1419 г.); НПЛ, с. 412 (6927 г.); РЛ, с. 95 (6879 г.), 141 (6888 г.), 176–177 (6908 г.).

[р. 379]

Во-первых, до середины XV в. они были синонимами, а во-вторых, применялись не только к монархам⁹⁷. Для нас главное то, что властелина так могли называть и *подданные* (личные слуги, летописцы и рядовые жители его княжества, а также покорённые иноземцы)⁹⁸, и участники *договорных* отношений с ним (в том числе другие князья и «республики») ⁹⁹, и лица, не входившие ни в ту, ни в другую категорию, – сын или внук монарха, не являющийся пока самостоятельным владельцем¹⁰⁰, и люди, вообще с ним напрямую не связанные (иерархи или бояре другого, хотя и подчинённого ему, владельца)¹⁰¹.

Автохтонным для изучаемой эпохи эпитетом *деспота* был разве что «самодержец». Думается, именно потребность в маркировке относительно нового – деспотического – типа монархии вдохнула вторую жизнь в данный эпитет, который до XV в. употреблялся редко и носил иной смысл¹⁰².

Ещё одним критерием различения *вассалов* и *подданных* является самоназвание или именование человека иными людьми при его сопоставлении с монархом.

Первый вариант: индивид уподобляет себя (или не возражает, когда его уподобляют иные люди) представителям «низов» – свободного непривилегированного, полусвободного или несвободного населения. Примером служит случай, когда боярин публично зовёт себя «холопом» великого князя, а также когда в летописи бояре фигурируют как «рабы» князя¹⁰³. Такое уничижительное обозначение можно считать наглядным признаком *подданного*¹⁰⁴.

Обратная ситуация – когда индивид уважительно именуется «сыном» или «младшим братом» правителя, а тот, соответственно, зовёт себя его «отцом» или «братом старейшим», хотя между ними нет подобных родственных связей. Такая квалификация подвластного монарху человека,

97. А. Золган, «К предыстории русск. "государь"...», *Из истории русской культуры...*, с. 554–586; В. В. Колесов, *Древняя Русь...*, с. 284–286; СДЯ, т. 2, с. 365–371.

98. МВС, с. 220 (1392 г.), 230 (1400 г.), 253 (1437 г.); НПЛ, с. 306, 453 (6759 г.); РЛ, с. 42 (6834 г.), 48 (6845 г.), 50 (6847 г.), 53 (6848 г.), 155 (6907 г.).

99. МВС, с. 176 (1347 г.), 227 (1396 г.), 251 (1434 г.); НПЛ, с. 360 (6856 г.), 390, 392 (6905–6906 г.); РЛ, с. 174 (6907 г.), 176–177 (6908 г.); ДДГ, № 2; ГВНП, № 3, 6–10, 14–15, 20.

100. РЛ, с. 174 (6907 г.), 176–177 (6908 г.).

101. МВС, с. 212 (1386 г.); РЛ, с. 177 (6908 г.).

102. РЛ, с. 178 (6917 г.); СРЯ, вып. 23, М., 2000, с. 37; В. В. Колесов, *Древняя Русь...*, с. 285, 287, 289.

103. МВС, с. 180 (1356 г.), 250 (1432 г.).

104. А. Л. Юрганов, «У истоков деспотизма», с. 36; Он же, *Категории русской средневековой культуры*, с. 216–220; В. В. Колесов, *Древняя Русь...*, с. 176–178.

безусловно, более всего подобает *вассалу*¹⁰⁵. Правда, на подобное величание могли рассчитывать, судя по всему, лишь владетельные князья¹⁰⁶.

Для прочих представителей древнерусской элиты, по всей видимости, был актуален второй вариант идентификации индивида в соотношении с монархом – различие среди бояр и «слуг» правителя тех, кто именовались «вольными» (т. к. имели право «отъезда» – перехода к иному правителю без потери земельных владений)¹⁰⁷, и лиц, не наделённых подобным эпитетом. Если первые – это *вассалы*, то вторые – *подданные*. В число последних входили потерявшие или никогда не имевшие права «отъезда» бояре и «слуги» (не прислуга!)¹⁰⁸, а также управленцы-министерялы, многие из которых принадлежали к «несвободным» или «полусвободным»¹⁰⁹.

Однако проблема в том, что эпитеты «отец» и «сын» иногда использовались для прикрытия отношений деспотического типа – например, между «татарским царём» и русским князем или между московским правителем и его братом, наказанным за строптивость конфискацией «отчины»¹¹⁰.

Кроме того, находя упоминания о князьях, подчинённых какому-либо монарху, мы часто не знаем, «величались» ли они при сопоставлении с ним или «уничижались», а встречая упоминания о его «боярах» и «слугах», мы опять-таки зачастую лишь гадаем, не было ли среди них людей «вольных». Пожалуй, только при упоминании «помещика» мы могли бы быть уверены, что речь идёт о служилом человеке не из числа «вольных». Но в изучаемый период этого слова ещё не было – оно появилось в конце XV в.¹¹¹

105. МВС, с. 177 (1347 г.); МАЛ, стб. 528 (1297 г.); РЛ, . 51 (6847 г.), 100 (6880 г.), 116 (6884 г.); ДДГ, № 5, 7, 9–11, 13, 14, 16, 18, 19, 24; ГВНП, № 4; В. Б. Кобрин, *Власть и собственность...*, с. 51; К. А. Соловьёв, *Властители и судьи...*, с. 219; А. Л. Юрганов, *Категории русской средневековой культуры*, с. 233; В. Д. Назаров, «Честь боярская», с. 54.

106. Известны случаи, когда все бояре, служащие какому-либо князю, величались им его «братией», но это происходило в критических ситуациях и могло быть лишь риторическим приёмом (см.: МВС, с. 230 (1400 г.); РЛ, с. 162–163 (6900 г.)). Аналогией может служить обращение князя перед смертью ко всем жителям столицы со словами «Братие мои и дружина!» (РЛ, с. 172 (6907 г.)).

107. ДДГ, № 2, 5, 9, 10, с. 12–13, 20–21, 27, 30. Мнение, что все бояре были «вольными» (Н. П. Павлов-Сильванский, *Феодализм в России*, с. 99, 437; К. А. Соловьёв, *Властители и судьи...*, с. 183; Р. Пайпс, *Россия при старом режиме*, с. 69, 74–75), ошибочно.

108. ГВНП, № 20, с. 37.

109. А. Л. Юрганов, «У истоков деспотизма», с. 39; Он же, *Категории русской средневековой культуры*, с. 221–222, 229; В. Б. Кобрин, *Власть и собственность...*, с. 115; ДДГ, № 4, с. 17, 19.

110. РЛ, с. 179, 182 (6917 г.); МВС, с. 244 (1419 г.).

111. В. Б. Кобрин, *Власть и собственность...*, с. 90, 96–97, 100–108, 113–115; СРЯ, вып. 17, М., 1991, с. 18.

Правда, в источниках есть иные зацепки. Это прежде всего указания, что тот или иной служилый человек (в том числе князь) «съехал», «поехал», «выехал», «отъехал», «(от)ступил» или «отказался» от монарха. Судя по всему, речь идёт об официальном разрыве отношений с ним при соблюдении каких-то обязательных процедур. Так мог поступить лишь «вольный» человек¹¹² и митрополит, вконец разругавшийся с великим князем Владимирским¹¹³.

Можно было бы к числу подобных маркеров отнести и слова «приехал», «приеде», «пришёл», «иде», «идёт», однако надо учитывать, что ими обозначалось не только обретение *вассалом* нового господина¹¹⁴, но и простое перемещение в пространстве.

Столь же осторожно надо относиться и к словам «бежал», «отбежал», «побежал», «выбежал», «сбежал», «прибежал». Они могут означать и просто бегство от опасности, и факт разрыва с господином без выполнения общепринятых процедур. В последнем случае речь может идти как о людях «вольных» (включая митрополита)¹¹⁵, так и «подневольных»¹¹⁶, а также о тех, кто не были ни теми, ни другими, – например, о сыновьях правителя, не имеющих удела¹¹⁷. Сходным образом люди, которые «яшася» за того или иного правителя, могли быть и *вассалами* (включая жителей «республик»)¹¹⁸, и *подданными*¹¹⁹.

Как бы то ни было, древнерусскими *вассалами* в середине XIII – середине XV вв. являлись: 1) знатные лица, которые официально именовались «братьями младшими» и «сыновьями» монарха, не будучи таковыми по факту рождения, 2) «вольные бояре», 3) «вольные слуги», 4) жители «республик» – не индивидуально, а корпоративно.

Все они имели земельные владения, неподконтрольные монарху-господину, где обладали собственной судебной властью. Кроме того, у них было право «отъезда», при реализации которого они теряли лишь

112. МВС, с. 393 (1306 г.), 185 (1370 г.), 227 (1397 г.), 233 (1404–1405 гг.), 250–251 (1433–1434 гг.); *НПЛ*, с. 399 (6914 г.), 404 (6920 г.), 420 (6948 г.), 423 (6952 г.), 424 (6953 г.); МАЛ, стб. 540 (1414 г.); РЛ, с. 48 (6846 г.), 65–66 (6864–6865 гг.), 85 (6875 г.), 104 (6880 г.), 106 (6882 г.), 177 (6909 г.), 186 (6918 г.); *ДДГ*, № 2, 5, 9, с. 13, 20–21, 27.

113. РЛ, с. 147 (6890 г.).

114. МВС, с. 243 (1416–1417 гг.), 244 (1419 г.), 250–251 (1433 г.); *НПЛ*, с. 389 (6905 г.), 399 (6914 г.), 423 (6952 г.), 424 (6953 г.); МАЛ, стб. 540 (1416–1417 гг.); РЛ, с. 109 (6883 г.), 140 (6888 г.); *ДДГ*, № 5, с. 20.

115. МВС, с. 190 (1375 г.), 221 (1394 г.), 233 (1405 г.), 238 (1408 г.), 250–251 (1433 г.), 261 (1440 г.); *НПЛ*, с. 80, 307 (6761 г.), 421–422, 463 (6950 г.); МАЛ, стб. 540 (1418 г.); РЛ, с. 140 (6888 г.), 164 (6901 г.).

116. ЛЛ, стб. 473 (1252 г.); МВС, с. 212–213 (1385–1386 гг.), 236 (1406 г.), 244 (1418 г.); РЛ, с. 67 (6866 г.), 71 (6869 г.).

117. МВС, с. 143 (1257 г.); *НПЛ*, с. 82, 309 (6765 г.).

118. *НПЛ*, с. 89–90, 321 (6780 г.), 424 (6952 г.).

119. *НПЛ*, с. 420–421 (6948 г.); РЛ, с. 55 (6851 г.), 64 (6863 г.).

«кормления». Применительно к жителям «республик» это право нужно трактовать как узаконенную возможность открыто выйти из повиновения монарху и сохранить в целости «республиканские» земли¹²⁰.

Разорвать отношения вассалитета – сюзеренитета мог любой из контрагентов.

По решению сюзерена это происходило, если вассал превышал свои полномочия (без вмешательства третьей стороны)¹²¹, помогал врагам сюзерена¹²² или «бесчествовал» его¹²³.

Вассал имел право расторгнуть отношения с монархом в случае сильного давления на него со стороны другого правителя (например, при угрозе потери «отчины»)¹²⁴, в случае, когда сюзерен запятнал себя позором¹²⁵, а также из-за произвола господина или его наместников (к примеру, из-за посягательств на владения вассала и причинения ему «бесчестья»). В последнем случае вассал высокого ранга нередко начинал войну против сюзерена¹²⁶. Ей, видимо, предшествовало официальное предъявление претензий сюзерену (изложение его «вин»)¹²⁷.

В то же время вассал мог покинуть сюзерена лишь таким образом, чтобы не покрыть себя позором и не стать «изменником». Во-первых, он должен был предварительно «снять крестное целование». Во-вторых, если он всё же решал не «отъехать», а «сбежать», ему, видимо, нельзя было это сделать прямо перед битвой под стягом господина. Зато он мог спокойно проигнорировать приказ господина о выступлении с ним в поход или о присылке войск. В-третьих, нельзя было ни «отказаться», ни «отбежать», когда сюзерен томился в плену вдали от вассала. При этом вассал, как и все прочие люди, подвластные пленнику, должен был внести свою долю при сборе выкупа¹²⁸.

Ещё одной важнейшей особенностью отношений вассалитета – сюзеренитета в Древней Руси середины XIII – середины XV вв. было то, что

120. См. примеч. 107, а также: *ГВНП*, № 1–3, 6, 7, 9, 10, 14, 15, 19, 20; *МВС*, с. 233 (1405 г.); *РЛ*, с. 65 (6864 г.), 66 (6866 г.).

121. *МВС*, с. 155–156 (1283 г.), 172 (1340 г.); *ЛЛ*, стб. 482 (1284 г.); *РЛ*, с. 51 (6847 г.).

122. *МВС*, с. 240–241 (1412 г.); *НПЛ*, с. 403–404 (6920 г.); *РЛ*, с. 140 (6888 г.), 146 (6890 г.).

123. *МВС*, с. 149 (1270 г.), 155–156 (1283 г.), 175–176 (1346 г.); *ЛЛ*, стб. 482 (1284 г.); *НПЛ*, с. 320 (6778 г.), 358–359 (6854 г.).

124. См.: *МВС*, с. 251 (1434 г.); *РЛ*, с. 162–163 (6900 г.), 176–177 (6908 г.).

125. См.: *МВС*, с. 236 (1406 г.).

126. См.: *МВС*, с. 173 (1341 г.), 237 (1408 г.), 250 (1432 г.), 252 (1436 г.); *НПЛ*, с. 353 (6848 г.), 389 (6905 г.), 391–393, 461–462 (6906 г.), 396–397 (6909 г.); *РЛ*, с. 34 (6796 г.), 66 (6865 г.), 84 (6875 г.), 162 (6900 г.), 177 (6909 г.).

127. См.: *МВС*, с. 149 (1270 г.); *НПЛ*, с. 88, 319 (6778 г.).

128. См.: *МВС*, с. 262 (1445 г.); *МАЛ*, стб. 474 (1255 г.); *НПЛ*, с. 78 (6872 г.), 426 (6954 г.); *РЛ*, с. 36 (6823 г.), 42 (6830 г.), 67 (6866 г.), 72–73 (6870 г.), 89 (6876 г.), 116 (6884 г.), 146 (6890 г.), 153 (6895 г.), 157 (6897 г.), 165 (6907 г.).

вассал, совершивший преступление, не входящее исключительно в юрисдикцию церкви и не направленное прямо против сюзерена, подлежал его непосредственному, личному суду. Причём под «судом» разумелось не самовольное решение господина по его собственным правилам, но разбирательство при соблюдении традиционных процессуальных норм.

В случае конфликта между сюзереном и вассалом (что означало, как правило, разрыв их договора, но не препятствовало его перезаключению) оба имели право на третейский суд.

Во-первых, они могли апеллировать к иерарху – епископу или митрополиту, а также к властителю, стоящему над сюзереном (если таковой, конечно, был). Чаще всего таким арбитром из числа монархов были, судя по всему, ордынские «цари» и великие князья –

Владимирские, Литовские. Третейский судья вершил дело самостоятельно, но не всегда имел возможность реализовать своё решение или добиться его исполнения¹²⁹.

Во-вторых, вариантом арбитража мог быть «общий суд» – разбирательство с равным участием сюзерена, вассала, иерарха (иерархов) и/или стороннего правителя (не обязательно вышестоящего). Монархов здесь могли замещать их представители. Такое разбирательство часто походило на дипломатические переговоры и не всегда заканчивалось консенсусом¹³⁰.

Жители «республик» по отдельности ввиду того, что их вассалитет был коллективным, находились на особом положении – та часть судебной власти, которая была делегирована монарху, по преимуществу была в руках его наместников, но те её применяли не единолично, а в составе «смешного» (совместного с посадниками) суда. Если же к наместникам у населения «республик» были серьёзные претензии, правосудие осуществляли местный владыка и приехавший сюзерен¹³¹.

Если подытожить, выходит, что древнерусские *вассалы* – это «свободные» люди-миряне (индивидуумы или корпорации), которые: 1) поступили на службу к монарху или просто признали над собой его власть, заключив договор («докончание» или «ряд»), по которому обе

129. См.: МВС, с. 149 (1270 г.), 161 (1317 г.), 184 (1368 г.), 187 (1371 г.), 225 (1395 г.); *НПЛ*, с. 89, 321 (6778 г.); МАЛ, стб. 528 (1296, 1301 гг.); РЛ, с. 55 (6851 г.), 65–67 (6865–6866 гг.), 84 (6875 г.); В. Б. Кобрин, *Власть и собственность...*, с. 52; К. А. Соловьёв, *Властители и судьбы...*, с. 160, 188, 190, 204.

130. См.: МВС, с. 153 (1280 г.), 157 (1293 г.), 159–160 (1312 г.), 161 (1317 г.), 169–170 (1330 г.), 173 (1341 г.), 191 (1375 г.), 212 (1386 г.), 227 (1397 г.), 246–247 (1425 г.), 262 (1441 г.); МАЛ, стб. 535 (1375 г.); *НПЛ*, с. 308 (6763 г.), 324, 456 (6789 г.), 328 (6801 г.), 94, 335 (6820 г.), 95, 337, 456 (6825 г.), 353 (6848 г.), 380 (6894 г.), 390 (6905 г.), 421, 462 (6949 г.); РЛ, с. 51 (6847 г.), 177 (6909 г.); *ДДГ*, № 9, с. 27–28; К. А. Соловьёв, *Властители и судьбы...*, с. 161–162, 191, 206–207.

131. См.: О. В. Мартышин, *Вольный Новгород...*, с. 231–232, 235, 239–240, 334–336; *ГВНП*, № 1–3, 6–10, 14–15, 19.

стороны обретают права и обязанности друг перед другом, причём договор был скреплён обоюдной клятвой; 2) имеют право полностью разорвать отношения с монархом и сохранить свои владения, если договор нарушен господином или его соблюдение представляется им невозможным; 3) в мирских делах находятся под юрисдикцией господина, но в случае конфликта с ним имеют право на третейский или «общий» суд.

Получается, что духовенство находилось как бы между вассалами и подданными – с одной стороны, оно давало клятву верности монарху наряду с мирянами, а с другой стороны, было ему неподсудно и сохраняло всю полноту прав на церковные земли.

Получается также, что сын, брат или внук монарха, пока они не вступили с ним в чисто политические отношения, скреплённые клятвой (например, присягнули ему или, став самостоятельными владетелями, заключили с ним договор), не были ни его вассалами, ни его подданными. Для женской же половины монаршей семьи (за исключением жены правителя) подобная маргинальность была уделом на всю жизнь. Между тем атрибутами маргинальности является стремление выделиться из общности, в которой индивид не имеет более или менее чёткого статуса, или получить этот статус путём агрессии¹³².

Мы вновь приходим к выводу, что при поиске корней устойчивой конфликтности между князьями-родственниками надо учитывать ментальные факторы. Но учёт их открывает новые

перспективы и в изучении целого ряда других проблем. Это утверждение, можно полагать, вполне согласуется с итогами нашего исследования.

*Тверской государственный Университет
Исторический факультет*

history@tversu.ru

132. См.: Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский, «"Изгой" и "изгойничество"...», с. 114–121; А. Я. Гуревич, «Индивид и общество в варварских государствах», *Проблемы истории докапиталистических обществ*, кн. 1, М., 1968, с. 408–409; Э. Фромм, *Анатомия человеческой деструктивности*, М., 1994, с. 177–178, 181, 203; Он же, *Бегство от свободы*, М., 1990, с. 35, 39, 44–62, 71–93, 211–214; В. А. Буков, *От российского суда присяжных к пролетарскому правосудию: У истоков тоталитаризма*, М., 1997, с. 364–366.

[р. 385]
